

Память девушки

Анни
Эрно

No Kidding Press

Анни Эрно

Память девушки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69450379
Память девушки: No Kidding Press; Москва; 2022
ISBN 9785604645055

Аннотация

«Память девушки» – автобиографический роман современной французской писательницы Анни Эрно. Писательница возвращается в 1958 год и вспоминает свой первый сексуальный опыт с мужчиной, обернувшийся для юной девушки утратой своего «я», депрессией и стыдом. Взгляд из 2014 года обнаруживает в этом событии двойное дно: в нем смешалось унижение и желание, слепое подчинение воле другого и поиск свободы, страх осуждения и бунт против ханжеской морали. Исследуя переплетения стыда и желания в мире, который сексуальная революция 1968 года разделит на «до» и «после», Эрно путешествует по прошлому и пытается придать ему смысл. Образ «девушки из 58-го» выступает своеобразным проводником в личность взрослой писательницы, предлагая читателям и читательницам задуматься о собственном опыте взросления и близости. Сама Эрно называет «Память девушки» одним из своих важнейших романов.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Анни Эрно

Память девушки

Программа содействия издательскому
делу «Пушкин» Французского института
при Посольстве Франции в России

Programme d'aide à la publication
« Pouchkine » de l'Institut français près
l'Ambassade de France en Russie

© Éditions Gallimard, Paris, 2016

© Мария Красовицкая, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

No Kidding Press, 2022

* * *

*I know it sounds absurd but please tell me who I am¹.
Supertramp*

*«И еще кое-что, – сказала она. – Я не стыжусь
того, что сделала. Нет ничего постыдного в том,
чтобы любить человека и говорить об этом».*

*Это была неправда. Стыд за то, что она
сдалась, за письмо, за безответную любовь будет
грызть и жечь ее до конца жизни.*

¹ Знаю, звучит дико, но прошу, скажи мне, кто я (англ.). – Здесь и далее приводятся примечания переводчицы.

*В конце концов всё оказалось не так больно:
уж точно можно пережить тайно, не подавая вида.
Всё это – опыт. Всё на благо. Теперь она могла
написать книгу и сделать Родди одним из героев,
или всерьез заняться музыкой, или покончить
с собой.*

Розамунд Леманн

«Сухой ответ»

Есть существа, которых подавляет реальность других: их манера говорить, закидывать ногу на ногу или прикуривать сигарету. Которые погрязают в присутствии других. В один прекрасный день, а точнее ночь, они оказываются во власти желаний и воли единственного Другого. Всё, чем они себя считали, исчезает. Они растворяются и наблюдают, как их отражение ведет себя, подчиняется, увлекаемое неведомым ходом вещей. Они всегда отстают от воли Другого. Та всегда на шаг впереди. Им никогда не нагнать ее.

Ни покорности, ни согласия – лишь смятение перед реальностью, в которой только и остается думать: «Что со мной происходит?» или «Это происходит со мной?», вот только нет больше никакого «я», или оно уже не то, что прежде. Есть лишь Другой – хозяин ситуации, хозяин действий, хозяин следующего мгновения, ему одному известного.

А потом Другой уходит. Вы ему больше не нравитесь, уже не интересны. Он бросает вас наедине с реальностью – например, с испачканными трусами. Теперь его заботит лишь

его собственное время. Вы остались одни со своей новой привычкой подчиняться. Одни во времени без хозяина.

И тогда другим ничего не стоит вас одурачить, устремиться в вашу пустоту, ведь вы ни в чем им не отказываете, вы их едва замечаете. Вы ждете Хозяина, который удостоит вас прикосновения, хотя бы раз. И однажды ночью он делает это, с полной властью над вами, о которой молит всё ваше существо. Наутро его уже нет. Но что с того: надежда его вернуть становится для вас смыслом жизни, смыслом одеваться, развиваться, сдавать экзамены. Он вернется, и вы будете его достойны. Даже не так: он глазам не поверит, настолько вы будете красивее, умнее и увереннее того невнятного существа, каким были прежде.

Всё, что вы делаете, – ради Хозяина, которого вы тайно себе выбрали. Но, сами того не осознавая, работая над собственным достоинством, вы неумолимо от него отдаляетесь. Понимаете, что были безумны, и больше не хотите его видеть. Вы клянетесь всё забыть и никогда никому не рассказывать.

Это было лето без погодных аномалий, лето, когда вернулся к власти генерал де Голль, лето «тяжелого франка»² и Новой республики³, лето, когда Пеле стал чемпионом мира по футболу, а Шарли Гауль победил в велогонке «Тур

² Де Голль ввел в обращение новый франк, который стоил как сто старых.

³ Пятая Республика во Франции началась с принятием новой Конституции и продолжается по сей день.

де Франс», и везде играла песня Далиды «Моя история – история одной любви».

Бесконечное лето, как и все прочие, пока тебе нет двадцати пяти, пока они еще не начали сжиматься до крошечных размеров и пролетать всё быстрее, а память – нарушать их порядок, не трогая лишь исключительно жаркие и засушливые.

Лето 58-го.

Как и каждое лето, золотая молодежь отправилась с родителями наслаждаться солнцем на Лазурный берег; другие – такие же, только из лицеев или из частной школы Сен-Жан-Батист-де-Ля-Саль – сели на пароход через Ла-Манш, намереваясь отточить свой убогий английский, который шесть лет изучали по книгам без практики. А старшеклассники, студенты колледжей и молодые педагоги, у которых были длинные каникулы и мало денег, отправились на подработку в детские лагеря, устроенные в больших особняках и даже замках по всей Франции. И каждая девушка, независимо от того, куда она ехала, укладывала в чемодан пачку гигиенических салфеток и гадала со страхом и предвкушением, не этим ли летом она впервые переспит с парнем.

А еще тем летом тысячи солдат уехали наводить порядок в Алжире, причем многие из них впервые покинули родную страну. Они писали десятки писем, рассказывали про жару, про джебел⁴, про дуары⁵, про неграмотных арабов, кото-

⁴ С арабского – гора.

рые после ста лет оккупации не говорят по-французски. Они присылали фотографии, где хохочут в шортах с друзьями на фоне сухого скалистого пейзажа. Точно бойскауты в походе; можно было подумать, что они на каникулах. Подруги ни о чем их не спрашивали, словно «перестрелки» и «за-сады», о которых сообщали в газетах и по радио, касались не их, а кого-то другого. Для девушек было естественно, что парни исполняют солдатский долг и, по слухам, используют для физиологических потребностей привязанных к колышку коз.

Они приехали в увольнение, привезли ожерелья, амулеты хамса, медные блюда и снова уехали. Они пели: «В тот день, когда дембель придет» на мотив песни Жильбера Бекко «В тот день, когда дождик пойдет». И наконец вернулись домой, во все уголки Франции, где им пришлось заводить новых друзей, которые не бывали в африканских трущобах, не говорили ни о феллузах⁶, ни о «круйях»⁷, были девственниками войны. А сами они словно выпали из реальности, онемели. Они не знали, хорошо или плохо то, что они сделали, гордиться им или стыдиться.

От лета 58-го не осталось ни одной ее фотографии.

Даже со дня рождения, ее восемнадцатилетия, которое она отмечала там, в лагере – самая юная из вожатых – и ко-

⁵ Небольшие поселения в Северной Африке.

⁶ Боевики алжирского Фронта национального освобождения.

⁷ Оскорбительное название североафриканских арабов.

торое выпало на ее выходной, так что после обеда она успела сходить в город и купить игристого, печенья и бисквитов с апельсиновой начинкой, но всего несколько человек заглянули к ней в комнату, чтобы наскоро выпить бокал вина, закусить и тут же ускользнуть. Возможно, она уже стала изгоем или просто неинтересной, ведь она не привезла в лагерь ни пластинок, ни проигрывателя.

Помнит ли ее, эту девушку, хоть кто-то из тех, с кем летом 58-го она была в лагере города С., департамент Орн? Наверное, нет.

Они забыли ее, как забыли друг друга, когда в конце сентября разъехались кто куда, вернулись в свои лицеи, Нормальные школы⁸, медицинские училища, центры физического воспитания или уехали по призыву в Алжир. В большинстве своем довольные этими финансово выгодными и приятными для души каникулами в роли вожатых. Но ее, вероятно, забыли быстрее других, как аномалию, противоречие здравому смыслу, нарушение общего порядка – нечто смехотворное, чем глупо засорять память. Ее нет в их воспоминаниях о лете 58-го, которые сегодня, должно быть, сводятся к размытым образам каких-то людей и мест, к «Битве негров в пещере глубокой ночью»⁹ да балету «Спектакль отменяется»¹⁰ – их тогдашним любимым шуточкам.

⁸ Педагогические коллежи.

⁹ Картина *Combat de nègres dans une cave, pendant la nuit* Альфонса Алле, 1882.

¹⁰ Шоу художника Франсиса Пикабия и композитора Эрика Сати, 1924.

Она исчезла из сознания других, из всех сознаний, сплетенных вместе тем самым летом в том самом департаменте Орн, где эти другие оценивали действия, поведение, привлекательность чужих тел, в том числе и ее тела. Они судили и отвергали ее, пожимали плечами или закатывали глаза, когда слышали ее имя, к которому какой-то остряк придумал рифму, чем невероятно гордился: «Анни – сглотни».

Она окончательно забыта другими, растворившимися во французском или каком-то ином обществе, женатыми, разведенными или одинокими, ставшими бабушками и дедушками на пенсии, с седыми или крашеными волосами. Неузнаваемыми.

Я тоже хотела забыть эту девушку. Забыть по-настоящему, то есть больше не хотеть о ней писать. Больше не думать о том, что я должна написать о ней, о ее похоти, безумстве, глупости, гордости, голоде и иссякшей крови. Но мне это не удалось.

Снова и снова эти фразы в моем дневнике, упоминания о «девушке из С.», «девушке из 58-го». Вот уже двадцать лет в списках запланированных книг я пишу: «58». А текста всё нет. Он всё откладывается. Непростительная дыра.

Я никогда не продвигалась дальше пары страниц, кроме одного раза, когда календарь день в день совпал с 1958 годом. В субботу, 16 августа 2003-го, я начала писать: «Суббота, 16 августа 1958-го. На мне джинсы, доставшиеся мне от Мари-Клод за 5.000 франков, которые она купила в Руа-

не за 10.000, и сине-белый джемпер без рукавов в горизонтальную полоску. Это последний раз, когда мое тело принадлежит мне». Я продолжала писать каждый день – торопливо, стараясь, чтобы дата на календаре точно соответствовала тому дню из 1958-го, детали которого всплывали в моей памяти, а я беспорядочно их записывала. Словно это ежедневное, непрерывное «юбилейное» письмо могло преодолеть пропасть в сорок пять лет; словно это совпадение «день в день» открывало мне доступ к тому лету, и попасть туда было так же просто, как перейти из одной комнаты в другую.

Очень скоро я стала отставать от фактов из-за бесконечных отвлечений, которые плодились под напором образов и слов. У меня не получалось вместить лето 1958-го в дневник 2003-го, оно постоянно переливалось через край. Чем дальше, тем острее я ощущала, что пишу не по-настоящему. Было ясно, что эта многостраничная опись должна перейти в какой-то другой разряд, но в какой, я не знала. И не искала. В глубине души я просто наслаждалась распаковкой воспоминаний. Я не хотела страдать, облекая их в форму. На пятидесятой странице я остановилась.

Прошло еще десять зим и одиннадцать лет, и теперь промежуток между летом 58-го и сегодняшним днем (промежуток, в котором были войны, революции, взрывы атомных электростанций – всё, что уже забывается) составляет пятьдесят пять лет.

Время впереди сокращается. Непременно будет послед-

няя книга, как бывает последняя любовь и последняя весна, но как узнать, какая именно? Меня терзает мысль, что я могу умереть, так и не написав о той, которую так давно называю «девушкой из 58-го». Придет день, и ее уже никто не вспомнит. То, что пережила именно эта девушка, останется необъясненным, прожитым зря.

Ни один другой проект не кажется мне таким – нет, не ярким, не новым, уж точно не радостным, но – жизненно важным, способным поднять меня над временем. Просто «наслаждаться жизнью» – перспектива для меня неприемлемая, ведь каждая минута без замысла книги ощущается как последняя.

То, что об этом помню только я, – а я думаю, что это так, – меня завораживает. Это как суверенная власть. Полное превосходство над ними, теми другими из лета 58-го, которое осталось мне от стыда за мои желания, за мои безумные мечты на улицах Руана, за иссякшую, словно у старухи, кровь в восемнадцать лет. Великая память стыда, цепче и неумолимее, чем любая другая. Одним словом, эта память – особый дар стыда.

Я отдаю себе отчет, что цель всего вышесказанного – преодолеть то, что меня сдерживает, мешает двигаться вперед, как в дурном сне. Это попытка смягчить резкий рывок, прыжок, к которому я готовлюсь, чтобы воссоединиться с девушкой из 58-го, с ней и с другими, и вернуть их всех в лето того года, который сегодня кажется куда более далеким, чем

тогда казался 1914-й.

Я смотрю на черно-белую фотографию, вклеенную во вкладыш к диплому выпускницы школы-пансиона Сен-Мишель в Ивто из класса с изучением латыни и естественных наук. Я вижу снятое в три четверти лицо с правильными чертами, прямой нос, аккуратные скулы, высокий лоб, на который – вероятно, чтобы визуально его уменьшить – причудливо спадает набок подвитая челка, а с другой стороны – короткая прядка. Остальные волосы, темно-каштановые, собраны сзади в пучок. На губах – подобие улыбки, не то нежной, не то печальной, не то всё вместе. Темный джемпер с воротником-стойкой и рукавами реглан смотрится строго и плоско, как ряса. В целом – миловидная девушка с неудачной прической и то ли нежным, то ли безразличным взглядом, сегодня кажущаяся старше своих семнадцати лет.

Чем пристальнее я вглядываюсь в девушку на снимке, тем больше мне кажется, что это она смотрит на меня. Неужели эта девушка – я? А я – это она? Чтобы быть ею, мне надо:

- уметь решать задачи по физике и квадратные уравнения;
- каждую неделю читать по частям роман в дамском журнале «Ле бон суаре»;
- мечтать наконец-то побывать на «сюр-пат»¹¹;
- выступать за то, чтобы Алжир оставался французским;
- всюду чувствовать на себе взгляд серых глаз матери;

¹¹ От *франц.* sur-pat, surprise-partie – вечеринка-сюрприз.

– еще не прочесть ни Бовуар, ни Пруста, ни Вирджинию Вульф и т. д.;

– носить имя Анни Дюшен.

И, разумеется, я не должна ничего знать о будущем, о лете 58-го. Мне надо разом утратить память об истории своей жизни и мира в целом.

Девушка на фото не я, но она и не выдумка. В мире больше нет никого, о ком я располагала бы столь же обширными, безграничными познаниями, позволяющими мне сказать, например, что:

– этот снимок она сделала на февральских каникулах в фотоателье на площади Мэрии, куда ходила с близкой подругой Одиль;

– завитки у нее на лбу – от бигудей, которые она надевает на ночь, а нежный взгляд – от близорукости: для фото она сняла свои очки с толстыми стеклами;

– на снимке не видно, но у нее на губе, слева, есть шрамик в форме коготка – это она в три года упала на осколок бутылки;

– ее джемпер – от оптового галантерейщика, господина Делума из Фекана, который поставляет в лавку ее матери носки, школьные принадлежности, одеколон и т. д., а его коммивояжер дважды в год раскладывает на столике в кафе образцы товаров из своих чемоданов. Этого самого коммивояжера, толстого и в костюме с галстуком, она невзлюбила с того дня, когда он отметил, что ее зовут так же, как и по-

пулярную певицу, что поет «Дочь ковбоя», Анни Корди.

И так далее, до бесконечности.

В общем, нет больше никого, кем моя память была бы настолько, если можно так выразиться, насыщена. И я могу рассчитывать лишь на ее память, чтобы воссоздать мир пятидесятых – мужчины в куртках на меху и беретах, переднеприводные «ситроены», песня Лин Рено «Снежная звезда», дело кюре из Юрюффа¹², велогонщик Фаусто Коппи и оркестр Клода Лютера – и увидеть людей и вещи в их изначальной действительности. Девушка на фото – незнакомка, завещавшая мне свою память.

И всё же я не могу сказать, что больше не имею никакого отношения к ней, а вернее, к той, кем она станет ближайшим летом, и подтверждение тому – сильнейшее волнение, охватившее меня, когда я читала «Прекрасное лето» Паве-зе и «Сухой ответ» Розамунд Леманн или смотрела фильмы, список которых мне захотелось составить перед тем, как начать писать:

«Ванда», «В случае несчастья», «Сью», «Девушка с чемоданом» и «После Люсии», который я посмотрела буквально на прошлой неделе.

Всякий раз девушка с экрана словно похищает меня, и я становлюсь ею – не женщиной, нынешней собою, а девуш-

¹² Ги Денуайе, приходской священник из французской коммуны Юрюфф, соблазнил юную девушку и убил ее на позднем сроке беременности, за что был приговорен к пожизненному заключению.

кой из лета 58-го. Она переполняет меня, сковывает дыхание, и на мгновение мне кажется, что я существую только на экране.

То, что девушка из 58-го спустя полвека может вдруг возникнуть и устроить у меня внутри полный хаос, означает одно: она скрыто и неискоренимо во мне присутствует. Если реальное – это то, что, согласно словарю, действует и приводит к последствиям, то эта девушка не я, но она реальна во мне. Своего рода *реальное присутствие*.

С учетом этих обстоятельств должна ли я объединить девушку из 58-го и женщину из 2014-го в одно «я»? Или же поступить так, как мне кажется – нет, не вернее, ведь всё это субъективно, но смелее, и отделить одну от другой с помощью местоимений «я» и «она», чтобы излагать факты и действия как можно более полно? И как можно более безжалостно, как это делают люди, обсуждающие нас за дверью: они говорят «она» или «он», и в это мгновение нам кажется, что мы умерли.

Даже без фотографии я вижу ее, Анни Дюшен: вот она сходит с поезда из Руана в городе С. 14 августа после полудня. Ее волосы заколоты сзади в «ракушку». Она в очках с толстыми линзами, которые уменьшают глаза, но без них она как в тумане. На ней темно-синее полупальто – бывшее бежевое шерстяное пальто, обрезанное и перекрашенное два года тому назад, – юбка-карандаш из плотного твида – тоже перешитая – и синий джемпер в полоску. В руках у нее се-

рый чемодан, купленный шесть лет назад для поездки в Лурд с отцом и с тех пор ни разу не пригодившийся, и пластиковая сине-белая сумка в форме цилиндра, приобретенная на прошлой неделе на рынке в Ивто.

Дождь, всю дорогу стучавший в окна купе, прекратился. Светит солнце. Ей жарко в шерстяном пальто и плотной зимней юбке. Я вижу провинциалку среднего класса, высокую и крепкую, прилежную на вид, в одежде «домашнего пошива» из прочной качественной ткани.

Рядом с ней – коренастая фигура пониже. Это женщина на шестом десятке, «в отличной форме» – костюм, рыжие волосы с химической завивкой, властно поднятый подбородок. Я вижу свою мать; в ее взгляде – смесь тревоги, подозрительности и недовольства: это ее обычный взгляд матери «на посту».

Я знаю, что чувствует эта девушка прямо сейчас, мне известно ее единственное желание: чтобы мать как можно скорее убралась отсюда и села на обратный поезд. Она вся кипит от злости и стыда: а вдруг кто-то увидит, что ее провожает мама – которая не отпустила ее одну якобы из-за пересадки в Руане, – что ее привезли в лагерь, как маленькую, притом что ей через две недели восемнадцать, и вообще, она уже вожатая.

Я ее вижу, но не слышу. Нет ни одной записи моего голоса из 58-го, а память сохраняет произнесенные нами слова в немом формате. И не узнать, оставался ли у меня еще

тягучий нормандский говор (хотя я наверняка думала, что, в отличие от своих предков, уже от него избавилась).

Что мне сказать об этой девушке, прежде чем лагерный водитель подъедет к вокзалу и она поспешит к нему, наскоро поцеловав мать, предотвращая ее явное намерение тоже сесть в машину, и та останется на тротуаре в растерянности, с выражением скорби на лице со стершимся в пути макияжем? А ей будет плевать, как и позже, когда она узнает, что матери пришлось ночевать в отеле в Кане, так как вечером поездов в Руан не оказалось, и, конечно, она будет думать, что так ей и надо, нечего было тащиться с ней в С.

Что же сказать о той девушке, чтобы запечатлеть ее такой, какой она была в тот августовский день, под изменчивым небом Орна, когда еще не знала, через что пройдет три дня спустя? Запечатлеть прямо в этой мимолетной точке, исчезнувшей пятьдесят с лишним лет назад.

Что сказать, чтобы это вдобавок не воспринималось как объяснение – по крайней мере, не только – того, что произойдет и, быть может, не произошло бы, если бы она не сняла очки, не вытащила шпильки из пучка, не распустила волосы по плечам (действия, впрочем, вполне предсказуемые вне материнского надзора)?

Вот что само приходит на ум: она вся – вожеление и гордыня. И еще: она жаждет истории любви.

Здесь мне хочется остановиться, словно этим всё сказано, словно этой информации достаточно, чтобы продолжить по-

вестование. Но это – книжная иллюзия, описание для героини романа. Надо идти дальше, надо обозначить контекст – социальный, семейный и сексуальный, – в котором расцветают ее вожделение, гордыня и ожидание; надо искать причины гордыни и истоки мечтаний.

Сказать: она впервые уехала от родителей. До сих пор она ни разу не вылезала из своей норки.

Не считая поездки в Лурд с отцом на автобусе, когда ей было двенадцать, и традиционного летнего выезда в Лизьё на целый день, когда после утренних молитв в кармелитском монастыре и местной часовне водитель автобуса высаживает паломников на пляже в Трувиле, ее жизнь с самого детства идет по одному и тому же маршруту между небольшим кафе-гастрономом, которое держат ее родители, и религиозной школой-пансионом Сен-Мишель: ночует она дома, а потому проделывает этот путь дважды в день. Каникулы она проводит в Ивто за чтением в саду или в своей комнате.

Она единственный ребенок в семье, росла в тепличных условиях (родилась после того, как первая дочь погибла в шесть лет, и сама чуть не умерла от столбняка в пять); внешний мир для нее не под запретом, но он внушает страх (ее отцу) и подозрения (ее матери). Из дома ее отпускают только со старшей двоюродной сестрой или школьной подругой. Ей ни разу не разрешали пойти на вечеринку. На танцах она впервые побывала три месяца назад, это был костюмированный бал под навесом на площади Бельж, и ее мать сле-

дила за ней со своего стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.